#20 (265) от 07.10.2011

дважды два

учебная газета факультета журналистики СПбГУ

В НОМЕРЕ:

Особое мнение преподавателей об актуальных событиях стр.2

О непростой судьбе репортажа стр.3

Студенческая журналистика — новые вызовы стр.4

Как долететь до Альфы Центавра и выжить стр.5

Лирика и графика стр.6

Ни дня без строчки

Василий Бертельс. «Аллегория чтения». Фрагмет. Холст, масло. 1996 г.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Этот девиз остается родным для каждого из нас – и студента, и преподавателя. Работа со словом так же напряженна, как и мастерство ювелира. Не должно оставаться ничего лишнего, но в то же время текст, как граненый алмаз, содержит в себе самое главное, ценное, оставляя ощущение прекрасного и неповторимого.

Номер газеты, который вы держите в руках, сделан усилиями преподавателей факультета, которые решили поделиться со студентами и коллегами своими работами. Некоторые из них были написаны специально для этого выпуска, некоторые – доработаны, отдельные уже были опубликованы в тех или иных вариантах.

Задумка номера не столько в том, чтобы показать «класс» от опытных или, наоборот, только пришедших в преподавание педагогов, а в том, чтобы пробудить чувства со-внимания, со-переживания, со-знания и придти к со-работничеству. Приятно, что работа над номером оказалась для всех интересной и увлекательной. А редакция столкнулась с традиционными для каждого выпуска проблемами – необходимостью сокращения больших материалов, нехваткой иллюстраций, «дырками» на полосах, несоблюдением графика и т.д. В итоге газета получилась живой, а объединяющей идеей всех полос оказалась любовь к слову. Это чувство предельно обнажило души каждого из авторов. Вот молодой Юрий Комболин, который ради хорошего репортажа готов не спать и сокращать речи Брежнева. Вот Дмитрий Новокшонов, с оголенными нервами, по-хармсовски едко отражает окружающую его действительность. Вот Борис Мисонжников, не заведующий кафедрой, а поэт и собеседник призраков… Приятного чтения!

Камилла Нигматуллина,
редактор номера

Анонимам вход воспрещен?

С развитием сетевой журналистики, у представителей нашей профессии появился еще один мощный стрессообразующий фактор. Это – анонимные комментарии к нашим произведениям. Оставляя свои высказывания под материалами журналистов, люди преследуют совершенно разные цели.

Одни ищут публичности и признания, другие элементарного общения, третьи не могут промолчать, если знают много больше о предмете публикации, четвертые – за порядок в орфографии, пунктуации, в презентации фактов и мнений. Есть еще одна прослойка анонимных комментаторов и, к сожалению, самая активная. Это конфликтеры, которых пользователи Интернета давно уже нарекли сетевыми троллями. По сути, это все те же заборные писатели, но идущие в ногу с прогрессом. Сменился только антураж: на смену уличному задире с кусочком угля в чумазых пальцах и папироской в углу рта пришел ничем не приметный офисный работник в белой рубашке и при галстуке. Но суть процесса это не сильно изменило. А она такая: тролли вламываются на чужую территорию в виртуальном мире и с помощью грубых, провокационных, скандальных высказываний доводят окружающих до белого каления.

Классическое развлечение троллей – заявиться, скажем, на форум кошатников и выложить там трактат «Десять блюд из кошатины». Форумчане мгновенно клюют на эту наживку, и тут же разгораются жуткие словесные баталии. Задетые за живое люди тратят уйму времени, энергии, денег и трафика, а тролль довольно потирает ручонки.

Но одно дело, когда никому не известный шутник глумится над форумчанами, у которых вместо лиц аватарки, а вместо имен – ники. Тут все происходит как будто бы понарошку, потому что каждый играет в Сети роль кого-то. Проблема троллевской атаки поднимается совсем на другой уровень, когда жертвами становятся реальные люди, не скрывающие своих имен-фамилий и лиц. Зачастую это известные персоны – писатели, политики, актеры, певцы, журналисты – которые ведут в интернете дневники или персональные сайты.

Звёзды для троллей – самое изысканное лакомство. Писатель-фантаст Александр Лукьяненко, дочь первого президента России Татьяна Юмашева, писательница Татьяна Толстая, актер и режиссер-постановщик Евгений Гришковец – эти и многие другие достойные люди регулярно подвергаются облавам троллей. Подстрекательства, провокации, вброс ложных сведений, сплетни и откровенная грубость с матом – тролли не брезгуют ничем, только бы засиять в лучах чужой славы.

Парадокс: закон о защите чести и достоинства у нас есть, но в виртуальной реальности его нет. Аноним сходит с рук все, жертва абсолютно беззащитна.

Пресечь травлю в Сети невозможно, если только этого не захочет владелец сайта или домена. Но последнему перепалка выгодна, ведь в этот момент счетчик посещаемости крутится с бешеной скоростью.

Есть общий рецепт борьбы с троллями в социальных сетях – не отвечать им (это называется «не кормите тролля») или сразу соглашаться с нелепыми обвинениями, доводя их до гротеска. Вот только не все пользователи имеют железные нервы и ангельское терпение. И многие публичные люди всерьез подумывают: что лучше – игнорировать троллей или закрыть свой блог для посторонних?

А как быть с электронными СМИ? Закрыть их из-за атаки троллей невозможно. Отключить опцию «комментировать», значит, лишиться обратной связи с читателем. Можно ли вообще сделать публичные отношения «журналист-читатель» более цивилизованными?

На мой взгляд, выход есть. По этому пути уже пошел целый ряд авторитетных издания, например, журнал «Сноб». Речь идет о равных условия для журналистов и читателей на дискуссионной площадке. В таких изданиях комментировать авторский текст может только официально зарегистрированный участник проекта, предоставивший в редакцию реальные данные о себе.

Когда комментатор без маски, обсуждение становится конструктивным и осмысленным и все менее похожим на известные заборные надписи.

Инна Тимченко,
старший преподаватель кафедры международной журналистики

Я и китайцы

Когда у ГКЧП не получилось спасти СССР, я очень расстроился. Вернее, я был в бешенстве. Более всего меня злило то, что люди, которым по долгу службы было положено делать одно, делали все с точностью до наоборот.

ФОТО: из личного архива автора

Я недоумевал. Ведь, наверняка, все они служили в Советской Армии. Каждый из них принимал военную присягу. И каждый произносил такие слова: «Я клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству... Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

А эти взяли и предали. И я состою с ними в одной партии, в КПСС. Сознание отказывалось такое принимать. Сознание раскалывалось. Я не мог найти ничего подобного в человеческой истории.

Трещина в сознании не была пустой. Она быстро стала наполняться тем самым презрением, о котором говорилось в тексте присяги. И когда стало совсем невыносимо, я принял решение, вспоминая о котором и сейчас улыбаюсь.

В общем, пришел я в консульство Китая, что на Васильевском острове, вызвал клерка, и говорю: «Я хочу вступить в Коммунистическую партию Китая».

У клерка восточный разрез глаз превратился в базедову выпуклость.

«Чифо?» – переспросил он. Я повторил. Минут 20 он пытался взять в толк, что за сумасшедший с ним говорит, а когда пришел в себя, сунул мне лист бумаги и предложил написать.

Ну, я и написал. Написал, что тошно мне от предательства, что невмоготу от творящейся гадости. Что партию мою запретили ее же руководители, а я не понимаю мотивов их шевелений. Что страну разваливают те, кто должен беречь ее как собственное дитя...

Короче, излил душу. А выводом написал прошение принять меня в компартию Китая, потому как в ней за такие вещи прилюдно расстреливают, а за попытку устроить в стране кавардак давят танками на площади Таньанмынь.

Клерк попросил меня зайти через неделю.

Я зашел. Принимал меня уже другой клерк. Поважнее прошлого. Он произнес речь о том, что разделяет мои чувства. А потом сказал, что принять меня в китайскую партию нельзя. Потому что нет у этой партии института иностранного членства.

На том и расстались.

Я рассказал эту историю своему учителю древнегреческого языка, ныне покойному Никите Виссарионовичу Шебалину. Он рассмеялся и ответил: «И правильно сделали, что не приняли. У них своих миллионы, зачем им наши-то еще?»

Тут-то я и прозрел.

Дмитрий Новокшонов,
старший преподаватель кафедры теории речевой деятельности и языка массовой коммуникации

Эй вы, там, наверху! Подвиньтесь!

Утром 26 сентября точно знала, что после событий минувших выходных мои студенты на занятиях непременно заинтересованно спросят: «Ну, и как вам все ЭТО? Как вам предстоящие выборы?»

А что – «как»? Что, разве была великая интрига и вдруг закончилась? А была ли она вообще? Лично для меня все однозначно уже давно. И удивления никакого поэтому в день заявления Президента не испытала. Правда, все надеялась, что как-то по-другому все это нам преподнесут, поделикатнее, что ли, более продуманно. Ан, нет. Видно, не сочли нужным. Как и всегда посчитали, что им там, наверху, виднее. И потому все последующие заявления о том, что впереди – напряженная предвыборная гонка, не более чем политическое кокетство. Да, будет и война компроматов, и, может, даже «коробки из-под ксерокса», но, поверьте, нас с вами это все мало коснется, а те, кому запланировано занять высшие места в эшелоне российской власти, их и займут. Вот именно от этой предсказуемости (не путать со стабильностью) и сводит скулы. Потому как – тоска зеленая...

Да я сейчас не о том, хороши или плохи господа-юристы, объединенные одним псевдонимом Тандем. Убеждена, что кому-то они искренне нравятся, а у кого-то вызывают раздражение и даже изжогу – страна-то огромная, сколько людей, столько и мнений, столько и предпочтений – и политических, и просто человеческих. Я о том, что хочется ДРУГИХ. Потому что ЭТИ уже были. И не год. И не два. И имели неограниченную власть и возможность для того, чтобы многое в стране изменить к лучшему. И в ЖКХ, и в здравоохранении, и в подходах к пенсионному обеспечению... А сменяемость власти – один из принципов демократического общества. Или не так?

Так откуда же брать других-то? – спросите. А что, у нас такая маленькая страна? И нет пророков в своем Отечестве?

Вот смотрю я на своих студентов. Вся политическая палитра общества представлена в них. Один – убежденный демократ, и за права человека (в том числе зафиксированные 31-й статьей Конституции) готов биться, не жалея живота своего. Этот – ярый коммунист ленинского образца: ему бы все – «отнять и поделить». Этот – монархист, верит в «доброго царя», считает, что наследственная передача власти в такой стране, как Россия, – единственный и правильный путь к дальнейшему процветанию; ибо только человек, которому с детства объясняют, что все жители этого государства – его «дети», что обо всех надо заботиться и печалиться, может создать комфортные условия для проживания населения...

ФОТО: из личного архива автора

И я сейчас – не об их политических платформах. Я о том, что очень много в нашей стране людей, кто умен, молод, силен, грамотен, кто искренне радеет за судьбу страны и готов был бы, засучив рукава, взяться за эту работу. Надо только не отступаться от целей своих.

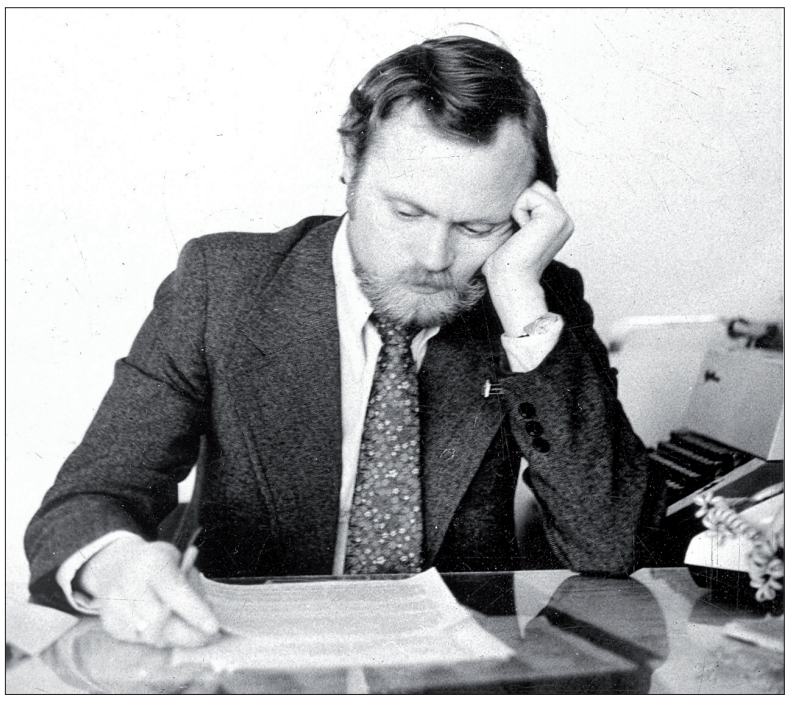
И потому я на своих студентов смотрю с огромной надеждой. Только они, чуть повзрослев, могут что-то кардинально перестроить на этом большом отрезке территории земли.

Поэтому... Эй вы, там, наверху! Не получится у вас пожизненно руководить этой страной! Потому как мои студенты подрастают. Придет пора подвинуться...

Галина Леонтьева,
старший преподаватель кафедры периодической печати

Репортаж в сто строк

В нашей профессии порой происходит такое, что ломает все твои планы. Вроде бы всё делаешь так, как надо. Не считаясь со временем, на пределе сил и возможностей создаёшь добротное произведение, сдаёшь его в номер в срок, а непредвиденные обстоятельства перекраивают всё по-своему. Об одном таком случае из практики работы в архангельской областной газете «Правда Севера», которая недавно отметила 90-летие, и пойдёт речь.



1972 год, редакция областной партийной газеты «Правда Севера» (г. Архангельск), и.о. зав.отдела партийной жизни

Помнится, в тот весенний вечер я засиделся в редакции «Правды Севера», в которой работал третий год: время перешагнуло уже за двадцать часов, а последняя фраза материала всё никак не «вытанцовывалась». Надо было обязательно сегодня закончить подборку информаций и положить рукопись на стол заведующего отделом. И только меня осенило, и я поставил итоговую точку, как открылась дверь, и в кабинет заглянул ответственный секретарь газеты Анатолий Степанович Глущенко. Вид у него был явно растерянный. Как бы подтверждая это моё наблюдение, он невпопад спросил:

- Ты ещё здесь?

Я пожал плечами:

- Как видите.

- Слушай, Юра, у тебя фотоаппарат с собой?

- Да. А что?

- Заряжен?

Далее из разговора выяснилось, что, на, подобравшие за зиму последние крохи сырья, лесопильные предприятия города, идёт первый плот. Точнее, его ведут плотоводы «Двиносплава». И об этом событии надо сделать репортаж в номер. А так как в редакции кроме меня никого нет, то и получается, что автором этого материала мне и надо стать.

Сто строк текста и две фотографии на первую полосу, – и, чтобы снять последние мои колебания, весомо добавил, – на открытие, с двумя большими снимками.

Я и так поверил Анатолию Степановичу. К тому же знал, что проводка первого плота, когда весеннее половодье ещё не спало, течение стремительное, а по реке несёт отдельные, порой нешутейные льдины и не выставлено навигационное оборудование – это для речников сродни подвигу. Всякое случалось при такой проводке: и связку рвало, и лес теряли. А какому журналисту не хочется сделать репортаж, в основе которого настоящее героическое событие. Короче, свезло мне – самому молодому репортёру отдела информации. Но паузу я всё-таки выдержал:

- Ладно, – говорю, – только у меня дома телефона нет. Пошлите водителя, чтобы он жену предупредил, а то волноваться будет.

- Да я сам заеду. Не волнуйся. Всё сделаю, – обрадовался ответсек.

Как он и сказал, перед входом в редакцию меня ждал двиносплавовский ГАЗ-69. За час с небольшим домчал он до Боброво, где мы перехватили караван. Там меня каким-то катерком забросили на теплоход «Двиносплав-6» - головной плотовод, на мачте которого крутился чёрный ромб, означавший сигнал «Веду плот».

1975 год, редакция областной партийной газеты «Правда Севера» (г. Архангельск), корреспондент информационного отдела

Был он не чета летним тридцатитысячным гигантам – всего чуть больше восьми тысяч кубометров сосны и ели в плитках. Но на мостике вместе с капитаном В. И. Звягиным находилось практически всё руководство «Двиносплава»: сам генеральный, главные штурман и механик. Были они здесь все 140 километров от самого плотбища Казёнщина, и новый собеседник в моём лице им был даже в радость. И пока мы шли, я всё, что надо выспросил, чтобы репортаж имел полноценное информационное насыщение. И о плотах-тяжеловесах, которые приходилось проводить, и о лошадиных силах головного плотовода, и о количестве и суммарной мощности нынешнего каравана, ведущего первый плот, и навигационном обеспечении проводки, и о происшествиях, которые случались ранее, и даже узнал биографию капитана. И на всё получил обстоятельные ответы, пока шли до четвёртого лесокомбината. А там «развернул он теплоход против течения, замочив правый трос. А левый натянулся, аж, запел. Плот сложился почти вдвое, а потом начал вытягиваться по течению. Ещё секунда – и правый трос пружиной выскочил из воды…». Потом общими усилиями, с помощью десятка теплоходов и пароходов, бывших у нас в помощниках, приткнули плот к берегу, и я распрощался с речниками.

Один из освободившихся буксиров добросил меня до Красной пристани, что почти напротив редакции, и, где-то в половине девятого я приступил к работе.

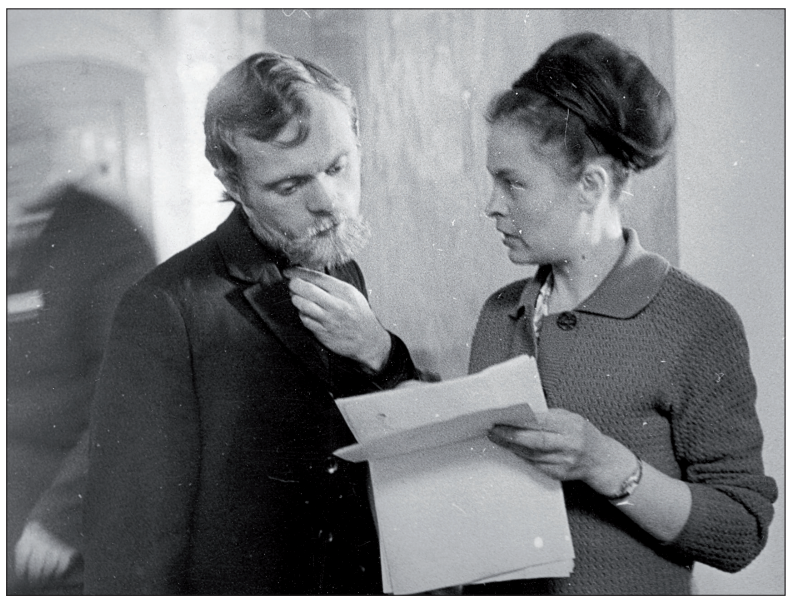
Первым делом проявил плёнку – негативы, несмотря на сумеречность белой ночи, получились наславу. Попросил фотокоров распечатать пару кадров – портрет капитана и самый напряжённый момент швартовки плота к причалу лесокомбината, и сел за репортаж.

Чтобы никто не мешал, я засел в библиотеке, которая находилась в самом конце редакционного коридора, и шум, и суета, связанные с подготовкой номера, меня не достигали. Кстати, в этом же конце было и машбюро, да и фотолаборатория рядом. Я, буквально, отгородился от всего, чтобы выполнить точно к сроку наш с ответсеком уговор: сто строк репортажа с двумя снимками.

Ровно в двенадцать я, согласно дремучему штампу, усталый, но довольный, вошёл в кабинет Анатолия Степановича и положил перед ним репортаж в сто, оговорённых, строк и две фотографии.

- Что это? – Спросил он, как-то очень не в теме нашего недавнего вечернего общения, глядя на меня исподлобья воспалёнными глазами.

- Репортаж в сто строк и два снимка на первую, – радостно сообщил я.



1972 год, сверка материала с корректором областной партийной газеты «Правда Севера» (г. Архангельск)

Он набрал воздуха и заорал (!) на меня:

- Ты, что охренел в двенадцать часов, когда номер уже практически готов, сдавать такой большой материал на первую?

- Д-д-а ты, что? – Начал я заикаться, перейдя неожиданно на «ты», – не помнишь ничего? – Я тоже орал.

- Что я должен помнить? – Явно не шутил ответсек.

- Ты не помнишь, как вчера в девять вечера вошел в отдел информации и дал мне задание подготовить репортаж в сто строк и два снимка о проводке первого плота в Архангельск? – Как можно более спокойно сказал я, перегнувшись через стол и глядя прямо ему в глаза.

И они у него стали проясняться. Несколько секунд в кабинете висела буквально предгрозовая тишина. Анатолий Степанович возвращался в нашу реальность из какой-то своей, мне недоступной:

- Юра, прости, – почти простонал он, - я действительно с этим пленумом всё забыл. Прости, ради Бога.

И всё объяснилось. Оказывается, с утра по телетайпу сообщили, что высылаются для обязательного опубликования материалы очередного или внеочередного пленума ЦК КПСС. И, конечно, все запланированные материалы с первой, второй и третьей полос слетели. Материалы пленума пошли. С задержкам, с кучей поправок, с заменами слов, предложений, абзацев. В общем, для ответсека – дурдом. Тут, как тебя зовут, забудешь. А тут Комболин с репортажем на первую, которая давно уже занята крупными заголовками и информационными сообщениями о пленуме. А я, сидя на отшибе в библиотеке и ни с кем из коллег не общаясь, ничего этого не знал. И в условленные двенадцать, как снег на голову. Да, что там – из иного измерения.

- Ладно, – разобравшись во всём, говорит Толя, – завтра поставим на первую.

- Что? – Тут уже я заорал, – я не спал двое суток, людей обнадёжил, что в завтрашнем номере они прочитают о своём героизме, и мы их обманем?..

Мудрый Анатолий Степанович подумал и вдруг говорит мне доверительно:

- Хорошо, Юра. Помнишь, когда ты работал у меня замом, материалы какого-то пленума не лезли в номер. И ты сократил доклад, то ли Суслова, то ли Косыгина, да так, что даже въедливый Коряев (наш зам. редактора Виктор Иванович, человек очень осторожный и даже пугливый. Ю. К.) ничего не заметил. Давай и сейчас: сокращай доклад ровно на сто строк, но так, чтобы комар носа не подточил. А Коряеву (он в этот день снова дежурил – Ю. К.) скажем, что Москва допустила повторы, что-то выбросили по указанию оттуда, поджались с заголовками, вот и место освободилось для оперативного материала, который прямо в тему пленума. Но, старик, репортаж придётся сократить, и выбросишь один снимок, чтобы всё влезло в сто строк. И пойдёт он, конечно, не на первую.

Доклад секретаря ЦК КПСС сократился на немалые сто строк так ловко, что никто ничего и не заметил. А свой репортаж резал «по живому», рыдая. Пришлось выбросить всё, что «накопал» о прошлых проводках, о происшествиях, мои наблюдения природы, лирику. Получилось суховато, но репортаж вышел в «Правде Севера» на следующий день – 17-го мая 1974 года вместе с материалами пленума ЦК КПСС.

Юрий Комболин,
старший преподаватель
кафедры периодической печати

ФОТО: из личного архива автора

UNIверситетские дороги

Когда в ноябре 2008 года студенты приступили к выпуску газеты, они были уверены, что уже через пару месяцев о них будет знать весь университет, а еще через полгода издание станет самым популярным среди петербургской молодежи. К чему же пришла редакция за три года существования?

Энтузиазм студентов пропадал по мере поступления проблем

ФОТО: www.jf.pu.ru

Первая редакция состояла из студентов 2 курса факультета журналистики. На первой планерке было шумно, мест в аудитории не хватало, методом мозгового штурма было выбрано название нового издания, а всеобщим открытым голосованием распределены должности.

Сложности возникли уже на первых этапах работы. Значительная часть студентов, взявших на себя какие-то обязательства, больше не появлялась в редакции. Сыграл роль и финансовый фактор. Узнав, что работа в проекте – дело добровольное и о конкретном финансовом вознаграждении речи идти не может, некоторые решили не участвовать в работе редакции.

В итоге в «UNI» остались те, кто был готов тратить свое свободное время, кому было интересно учиться журналистике на деле, кто желал делиться своими знаниями с менее опытными студентами. Страсти вокруг новой газеты разгорелись нешуточные. Преподаватели дипломатично молчали, с отеческим снисхождением глядя на ошибки ребят. Зато студенты-старшекурсники критиковали наотмашь, используя в качестве площадки боя группу «ВКонтакте»: «Первая полоса – страшный ужас. Фотки – два с минусом. Тексты – три с плюсом».

Сотрудники газеты пытались отбиваться. От участия в дискуссии не удержался и главный редактор, предложив выступающим с критикой придти в редакцию, поделиться опытом, участвовать в создании газеты. В итоге состоялась вечерняя беседа, на которой умудренные опытом четверокурсники порассуждали о молодежной прессе. Больше в редакцию они не заходили.

Эмоциональный натиск выдержали не все. Редакционный состав обновился, а его новые участники провели исследования современного рынка студенческой прессы.

Опрос показал, что актуальные проблемы и события из жизни молодежи в студенческих газетах освещаются формально и неполно. Молодые люди от 18 до 28 лет отмечали, что не получают достаточно сведений о международных, городских мероприятиях, чувствуют нехватку информации о конкурсах, грантах, акциях, а свои проблемы они предпочитают обсуждать в социальных сетях. Поэтому в основу концепции газеты легла идея формирования единого студенческого информационного пространства.

Сегодня газета существует и развивается, но уже в новой форме. При поддержке руководства факультета создана интернет-версия – iUni.ru. Издание рассказывает о жизни современных студентов, делится размышлениями по поводу проблем, с которыми им приходится сталкиваться, ориентирует в происходящих событиях.

Где-то журналисты «UNI» оказываются первыми. Например, цикл публикаций про студенческие общежития города с уникальными комментариями и фотографиями действительно можно назвать хорошим журналистским расследованием. Но некоторые события, может быть не менее важные, остаются незамеченными.

Порой субъективная оценка, импульсная реакция идут впереди спокойных и взвешенных решений. Потому и задача, которую ставит перед собой редакция – создание единого информационного поля в студенческой среде – пока еще не решена.

Однако молодые люди полны оптимизма. Они уверены, что все трудности – временные, а значит, их можно преодолеть.

Ксения Виноградова,
главный редактор газеты «UNI»

«Они не такие как мы»

Эра безудержного потребления, похоже, ослабила свою железную хватку и постепенно уходит в прошлое. Уровень потребления в обществе достиг своего максимума, и маятник истории начал неторопливое, но уверенное движение в обратную сторону.

Буревестником этой революции стала молодежь. Впрочем, бури-то никакой нет. Как нет и активного социального протеста. Есть лишь упрямое нежелание жить по навязанным нынешним обществом шаблонам и растущее день ото дня количество таких людей. Всех их объединяет одно: ежедневно они делают осознанный выбор в своей жизни. И выбор этот часто удивляет окружающих. Потому что они делают как «не принято», зачастую выбирая более сложный с обывательской точки зрения путь.

Впервые я столкнулась с этой реальностью случайно. Тогда ко мне по делам заехала 18-летняя племянница. Я попыталась ее накормить, но она отказалась от предложенной пищи, потому что практически вся еда содержала какие-то животные жиры. Даже к шоколадным конфетам не притронулась. Серьезно изучила фантик и сказала, что там компонент с маркером Е, который суть свиной жир. Так я узнала, что она стала вегетарианкой.

«Блажь!», – подумала я, – «Скоро пройдет, перебесится», и переключилась на свои дела. Но вскоре, проведя вечер в компании моих племянницы и племянника, я узнала о том, что их вегетарианство – лишь одна из форм сознательного отказа от жизни по правилам общества потребления. Помимо этого все ребята и девушки из их компании имеют особенные жизненные принципы и неординарные занятия.

Так, выяснилось, что никто из их огромной компании не носит кожаную одежду, обувь, сумки и даже ремни, потому что защита животных для них не пустой звук. В поведении этих ребят оказалось много бескорыстия, милосердия и самоограничения. Я была просто поражена, когда узнала, что раз в неделю моя племянница ходит в ночные рейды по помойкам с друзьями-фриганами. Они ищут в мусорных контейнерах рядом с супермаркетами и кафе пригодную для пищи, но выброшенную в отходы еду, собирают ее, готовят дома из нее горячую еду и отправляются в следующий рейд – кормить бомжей.

Вообще фриганизм явление не российское. «Мусорная зарница» зародилась в Европе и США, где качественная, но нераспроданная пища ежедневно оказывается на свалках. В России это явление приобрело свой, гуманитарный оттенок, хотя свежих продуктов на помойках меньше в разы.

> «Они сдают донорскую кровь, участвуют в волонтерском движении. Они не балуются никакими веществами, изменяющими сознание, ведь незамутненное сознание – основа их мировоззрения. Все свои решения они принимают сознательно».

Я была приятно удивлена и тем, что большинство друзей моих юных родственников сдают донорскую кровь, участвуют в волонтерском движении. Они не балуются никакими веществами, изменяющими сознание, ведь незамутненное сознание – основа их мировоззрения. Все свои решения они принимают сознательно. В том числе и о том, как питаться. Ведь это не только отказ от животной пищи, но также от фастфуда и газированных напитков, которые производятся крупнейшими мировыми корпорациями. По мнению этих ребят, корпорации – это зло. Они не только раскручивают колесо потребления во всем мире, заставляя людей бездумно поглощать вредные для здоровья продукты и скупать горы вещей из новых коллекций, выкидывая вчерашние новинки на помойку. Корпорации используют дешевый, фактически рабский труд.

Большинство друзей моей племянницы занято на низкооплачиваемых работах для студентов. Они сознательно не делают карьеры, не идут по головам, не держатся за свои места. Они игнорируют корпоративную этику, зашоривающую сознание, и в любой момент готовы к тому, что их уволят. А когда это случается, пускаются путешествовать по всему миру автостопом, останавливаясь у таких же идейных молодых людей в любой точке планеты. По возвращении они без труда устраиваются на очередную временную работу.

У них нет крутых «шмоток, тачек и мобил», они одеваются в секонд-хендах и на фримаркетах (где люди бесплатно обмениваются ставшими ненужными вещами или прочитанными книгами), они дают бесплатно уроки английского взамен на стрижку и т.д. Словом, постоянно выкручиваются. Но при этом остаются внутренне свободными людьми. Их тошнит от безудержного потребительства, и они сознательно отказываются жить в мире с неуемным культом «бабла» и власти. Они не ждут от мира перемен, они создают перемены вокруг себя сами.

Инна Тимченко,
старший преподаватель кафедры международной журналистики

ФЕЛЬЕТОН

К вопросу о древней Спарте

В городе С., сравнительно молодом, живет немало стариков. У них очень много проблем. Во-первых, потому что для них самих старость не в радость. А во-вторых, потому что молодой город С. удивительно быстро состарился и даже износился. Трубы протекают, асфальт искорежен, здания кренятся, аки пизанские башни, автобусы кряхтят, пылятся белые колонны, обрастают мусором серые спальные районы, утопают в грязных лужах дворы и подъезды… ну да мы не об этом.

Старики везде. Набиваются в общественный транспорт, требуя льготный проезд и занимая теплые места. Толпятся в аптеках, разоряя государство на льготные лекарства. Живут на налоги здоровых граждан, ностальгируют по очередям и прежним временам. Они не любят современное телевидение, им почему-то не нравятся люди, стоящие у власти, некоторые с удовольствием поставили бы кого-нибудь к стенке.

А, кстати, на телевидении тоже засилье стариков. Шутят свои старые шутки, обсуждают свои старые проблемы, вспоминают опять же былое счастье. Целый день смотрим городские новости о несчастных пенсионерах. Хорошо, хоть по вечерам можно увидеть увлекательные молодежные сериалы, реалити-шоу, sms-викторины. Неплохо было бы придумать реалити-шоу про стариков. Допустим, заставить жить десяток пожилых людей в условиях весьма зажиточного капитализма в рамках одного загородного дома. Они же сразу забудут обо всех своих проблемах и чего доброго начнут строить любовь!..

Старики занимают слишком много полезной жилплощади, которая сейчас в большом дефиците в городе С. Многие из них оккупировали коммуналки, не давая приличным горожанам обзавестись большими, хорошими и светлыми квартирами в центре города. А, не дай Бог, государство решит расселить коммуналку, так они забаррикадируются и устроят голодовку.

Те же, кто не занимает полезных квадратных метров, портят городской облик своим рваным присутствием на помойках, в подъездах, у метро. Удивительно: как не приспособлены старики к нормальной жизни в нормальных квартирах, зато замечательно выживают в условиях уличных морозов и городских помоек. Вот в одну из прошлых зим, в одной из довольно развитых стран региона моря Б., бездомные пенсионеры замерзали насмерть. Надо отдать должное настоящим демократам, первым лицам государства, которые сказали, что не считают это своей проблемой. Если мы хотим стать развитым государством, то, несомненно, должны брать пример с таких стран. Только вот что удивительно: продолжительность жизни в маленьких демократических республиках гораздо выше, чем в свободной и необъятной России, полной ресурсов и стабилизационных денег. Ну да мы не об этом…

Старики медленно ходят через дорогу, мешая проезжать спешащим по важным делам машинам. Они часто спотыкаются, ломают руки-ноги, а потом создают длинные очереди в поликлинике, требуют ухода за собой в больницах. Есть даже специальные гериатрические центры, помогающие старикам дольше жить, и целая наука – геронтология – как дотянуть до ста и дальше без хлопот. Несмотря на то, что по официальной статистике мужчины не доживают до 60, а женщины – до 75, стариков все больше. Государство поощряет молодые семьи и многодетность, а плодятся старики. Недавно вот был случай: одна пожилая женщина скрыла свой возраст и в 58 лет оплодотворилась экстракорпорально. Каково!

Кстати, в Китае, известном своим культом предков, научились извлекать выгоду не только из почтения к старикам, но и из самих стариков. Китайцы издали указ, по которому пожилые люди имеют право требовать с молодежи деньги за выброшенный на улице мусор. Молодежь Поднебесной не смеет отказать старшему, а потому и на улицах стало чище, и старики обогатились, и государству часть этих «штрафов» досталась.

А у стариков страны Р. такой «лафы» нет. У них вообще много проблем. Потому они звонят в различные общественные организации, сплачиваются в партии, обивают пороги чиновников, идут в суд, чтобы добиться признания своих прав. И когда в городе С. начинают готовиться к выборам, то в первую очередь стараются задобрить стариков. Предлагают им деньги и продукты, обещают счастливую жизнь, разъясняют свои убеждения и программы. Молодежь в растерянности, потому и не идет на выборы, а потом живет под гнетом геронтократов, выбранных же геронтофилами.

Проблема, в общем-то, налицо. Здесь нужно серьезно задуматься и вспомнить опыт истории. В древней Спарте, как известно, хилых и слабых сбрасывали со скалы. Чувствуете выход? Точно! Нет человека – нет проблемы. Об этом еще Хармс писал, когда предлагал стариков и детей закатывать в асфальт. А до него – Джонатан Свифт, который советовал торговать детьми из бедных ирландских семей, и более того – кушать их.

Как полегчало бы сразу городу С.! Как просторно и светло стало бы на городских улицах, с которых бы за компанию снесли все дряхлые исторические здания! Новая заря кровавого цвета засияла бы над городским горизонтом…

Камилла Нигматуллина,
старший преподаватель кафедры
периодической печати

ФОТО: www.ionorbit.com

РЕЦЕНЗИЯ

Сколько науки в «Аватаре»?

Ученые не считают фильм «Аватар» (к слову, самый кассовый за всю историю кино) фантастикой. В звездной системе Альфа Центавра действительно могут существовать инопланетяне. Вот только слетать к ним в гости нам пока вряд ли удастся.

Где искать инопланетян?

Альфа Центавра (в соответствии с принятыми в астрономии обозначениями α Centauri, сокращенно α Cen) – ближайшая к нам звездная система. Поэтому фантасты издавна связывали с ней начало эры межзвездных полетов. Кстати, эта система является одной из самых ярких на ночном небе и может наблюдаться невооруженным глазом южнее 29° северной широты.

Режиссер и сценарист фильма Джеймс Кэмерон последовал примеру фантастов. Только он поселил братьев по разуму не на планету вроде нашей Земли, а на Пандору – спутник газового гиганта Полифема, напоминающего Юпитер.

Что об этом думают астрономы? Оказывается, планеты Полифем и уж подавно ее спутника Пандоры не существует. Пока ученые не обнаружили ни одной планеты в упоминаемой системе. Но одна из ее звезд очень похожа на Солнце. И вокруг нее действительно могут обращаться каменистые планеты, как и в нашей Солнечной системе. Причем с условиями на поверхности, пригодными для жизни.

Для тех, кто не смотрел

Экспедиция людей прилетает на далекую Пандору, чтобы добывать сверхценный минерал. Инопланетное вторжение вызывает у аборигенов-дикарей недовольство. Чтобы лучше узнать синекожих гуманоидов, мозг главного героя фильма копируют и внедряют в дистанционно управляемое тело аватара, похожего на облик пандорцев. Однако, повстречав местную красавицу, он решает покончить с земным прошлым...

Что же касается спутников этих гипотетических планет, то прогнозы также оптимистичны. Еще до выхода «Аватара» американские ученые объявили, что внеземную жизнь вероятнее всего обнаружить как раз на спутниках газовых гигантов, так называемых экзолунах, которые отнюдь не редки во Вселенной. Взять хотя бы нашу Солнечную систему. Титан – спутник Сатурна – имеет очень плотную атмосферу и рельеф земного типа. Европа – спутник Юпитера – под слоем льда скрывает многокилометровую толщу океана. И если бы эти планеты находились ближе к Солнцу, то на их спутниках вполне могла бы зародиться жизнь.

Как до них добраться?

Сюжет «Аватара» разворачивается в 2145 году. Возникает вопрос: а смогут ли люди долететь до планет системы α Cen, если вдруг обнаружат там жизнь?

Альфа Центавра находится от нас на расстоянии 4,36 световых лет. Иными словами, свет из этой звездной системы идет до нас больше 4 лет. Для сравнения – луч Солнца доходит до нас за 8 минут.

Самый быстрый аппарат, построенный людьми, Вояджер-1, разогнался до 17 километров в секунду. Автоматический зонд исследует Солнечную систему и ее окрестности уже более 30 лет. Но даже если его отправить в путешествие к системе Альфа Центавра, то оно займет более 70 тысяч лет!

В фильме же земляне на космическом корабле благополучно добираются до Пандоры за 5 лет. Получается, они путешествовали со скоростью, близкой к световой.

Споры о том, как приблизиться к скорости света, не умолкают среди ученых не одно десятилетие. Но пока наши знания и технические возможности не позволяют удовлетворить космические аппетиты. Возможно, исследования, которые сейчас ведутся на Большом адронном коллайдере, и другие масштабные проекты, которые будут реализованы в ближайшем будущем, позволят построить более адекватную теорию фундаментальных взаимодействий и подскажут, где искать ответ на вопрос о способах достижения столь высоких скоростей.

Александр Колоев,
старший преподаватель кафедры
периодической печати

ФОТО: www.kinopoisk.ru

История одного стихотворения

Творчество – дело странное. Почему человек вдруг начинает что-то сочинять, например стихи, вообще непонятно. Кажется, уже всё сочинили, обо всём написали: бессчётное множество поэтических сборников – увы, как правило, не востребованных – пылится на полках библиотек.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ: Ярослав МИСОНЖНИКОВ

Сочинительство, кроме того, занятие также исключительно тяжёлое, по крайней мере для меня. Уж не знаю, хорошо это или плохо, но в каждую строчку вложен большой труд. И я всегда вспоминаю слова Валентина Михайловича Верховского, руководителя знаменитого литературного объединения при газете «Ленинские искры» 60-х годов прошлого века, легендарного наставника юных ленинградских поэтов: «Поэзия – добровольная каторга. Подумай, стоит ли этим заниматься».

Но я к тому времени был уже зачарован изумительной русской поэзией, её рифмой, метром, ритмом. Своей жизни без стихов представить себе уже не мог. Буквально с трепетом я переступал порог «Лениздата», входил в редакцию «Ленинских искр», занимал свободное место среди таких же школьников. Наши еженедельные встречи никогда не проходили без жёсткой критики, учеба шла серьезная: ведь поэзия – не только вдохновенное творчество, но еще и ремесло.

Когда мы подросли, встречаться стали в литературном объединении «Гренада». Наши произведения печатали, мы не раз появлялись на телевизионных экранах, тогда ещё черно-белых, а какое незабываемо яркое впечатление – вдруг услышать своё стихотворение в передаче знаменитого Ленинградского радио. Это были удивительные 60-е. Оттепель казалась началом весны. Но в 70-е наступило резкое похолодание.

Когда я пришёл из армии – а служил я на Новой Земле, где тогда активно действовал ядерный полигон, – то почувствовал, что со своими стихами, в сущности, никому не нужен. По редакциям особо не ходил, хотя несколько раз в журналах «Аврора» и «Звезда» уже готовили подборки моих стихов и прозы, но до публикации дело не доходило. В последний момент получал отказ. Изредка со стихами и прозой выступал в газетах.

Конец 80-х взорвался перестройкой. Это было и радостное, и горькое время. Многое менялось, появился новый журнал «Искусство Ленинграда», и заместитель главного редактора Владимир Полушко сам обратился ко мне с предложением опубликовать что-нибудь из моих произведений.

Так в 12-м номере журнала за 1990 год появилось моё поэтическое эссе «У кобринских прудов», подписанное псевдонимом – Федор Ярцев. Под этим именем в том же году вышла у меня и книга прозы «Ясная луна освещает выпавший снег».

После долгого перерыва я возвратился к поэзии. То время было тревожное: стали известны потери афганской войны, открыто начали говорить об испытаниях ядерного оружия, которые не всегда обходились без жертв, в газетах и журналах публиковали снимки солдат, которые погибали в мирное, казалось бы, время. Я узнал, что и некоторых моих сослуживцев уже нет в живых. Чувство горечи, тревоги и преклонения перед ратным подвигом солдат, зачастую никому не известных, и послужило внутренним толчком для написания стихотворения, которое я сочинил за одну дождливую августовскую ночь и назвал его «Солдаты-призраки».

> «Я всегда вспоминаю слова Валентина Михайловича Верховского, руководителя знаменитого литературного объединения при газете «Ленинские искры» 60-х годов прошлого века, легендарного наставника юных ленинградских поэтов: «Поэзия – добровольная каторга. Подумай, стоит ли этим заниматься».

В том же году я побывал – уже и не помню по каким делам – в Москве и, случайно оказавшись у подъезда редакции журнала «Новый мир», решил туда зайти. Просто так, прямо с улицы. Надежды что-нибудь напечатать не было никакой, потому что в стране это был лучший журнал, который ещё помнил своего великого редактора Александра Трифоновича Твардовского. Тираж этого журнала достигал тогда, между прочим, миллиона экземпляров.

Мои стихи были со мной, и я сразу же направился в отдел поэзии, дверь которого оказалась закрытой. Но вскоре появилась женщина средних лет, с полуслова поняла, в чём дело, и предложила оставить рукопись с моим почтовым адресом в редакции. Дескать, о решении получу соответствующее уведомление. Решение, само собой, подразумевалось отрицательное. Женщина держалась самоуверенно, я бы даже сказал, чуть высокомерно, и на мою просьбу прямо сейчас посмотреть рукопись, ответила не без раздражения, что у нее на это нет времени. Но потом вдруг взяла один лист с напечатанным текстом, другой лист… Покачала головой и минут через десять безапелляционно объявила, что стихи напечатает. Сказала это так, что сомневаться не приходилось. Потрясенный, я откланялся.

Эта женщина – Марина Евсеевна Борщевская. Она литературный критик, а тогда была сотрудником отдела поэзии журнала. Действительно, в «Новом мире» была подготовлена подборка моих стихов, но заведующий отделом поэзии Олег Чухонцев и главный редактор Сергей Залыгин решили, что для неизвестного автора такая публикация – слишком большая честь.

Отобрали только одно стихотворение. Зато поставили его первым, на открытие всего журнального номера (№ 3 за 1991 год). На основе этого стихотворения мной

> «Мои стихи были со мной, и я сразу же направился в отдел поэзии, дверь которого оказалась закрытой».

позже был написан сценарий для художественного фильма с таким же названием – «Солдаты-призраки», который вошел частью в кинотриптих «Освящение храма», представленный в «Энциклопедии кино». Фильм поставлен кинорежиссёром Юрием Русаком, и снялись в нём замечательные актёры.

У стихотворения своя судьба, которая складывается уже независимо от воли автора: однажды я нашёл свое произведение на сайте монаха Симеона Афонского, не так давно встретил даже в вольном переложении одного современного алтайского поэта – я счел это не плагиатом, а, так сказать, заимствованием интертекстуального характера.

Мое стихотворение «Солдаты-призраки», признаюсь, мне особенно дорого – как память о людях, которых уже нет, и как память о том необыкновенном времени, в которое это стихотворение рождалось.

Вот оно:

СОЛДАТЫ-ПРИЗРАКИ

В страшной, тошнотворной пелене сплошной,
медленно порхая, серый, будто перепел,
оглушённый подсвеченной тишиной,
хлопьями оседает в пространстве пепел.
Пепел разочарования, смерти, тоски и невзгод.
И всё это отражают выгоревшие зраки
тех, кто в полях одиночества вечно скользит вперёд –
это беззвучно идут в атаку солдаты-призраки.
Даже на миг задержаться им не дано.
На лицах у них – ни улыбки, ни тревоги, ни боли.
Стёрлась память о них, стала мифом давным-давно,
а они всё идут и идут скорбным безмолвным полем.
И не чувствуют больше, не слышат, не видят ни зги –
пропавшие без ответа, без слова и какой-либо вести.
Только пепел, кружась, мягко оседает на их сапоги –
пепел нежных воспоминаний, надежд, любви и совести.
Под одеждой давно уж остыли истерзанные сердца,
души их – обугленные, опавшие листья.
Сколько ж километров шли они так –
до предела, отчаяния, конца,
только лунный свет, мерцая, над ними зловеще лился.
Кто же выдержит эту осыпающуюся тишину
в обезумевшем и оплавленном вихре планеты!
Здесь они никогда не увидят уже ни мать, ни сестру, ни жену –
всё идут и идут, плавно скользя, силуэты.
Тени жить лишь начавших, без вины убиенных – немы,
бессловесны, бесправны, безутешны, безгрешны.
На пороге вселенской сатанинской, дымящейся тьмы
были сборы коротки и прощанья – поспешны.
Очи их, умерщвлённых, погасли, как будто огни,
плащ-палатки повыцвели, превращаясь в прозрачные призмы.
И опять – всё вперёд, словно чьим-то проклятьем ведомы они.
В хлопьях пепла беззвучно вдаль уходят солдаты-призраки.

Борис Мисонжников,
заведующий кафедрой
периодической печати

Номер подготовлен преподавателями факультета журналистики
Редактор – Камилла Нигматуллина
Верстка, обработка фотографий – Тарас Ясинко
Печать осуществлена в редакции учебной газеты
Тираж: 25 экз.